

М.Б. ЕЛИСЕЕВА

(Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ В РЕЧИ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ МОРФОЛОГИИ²

Аннотация: В статье рассматриваются различные точки зрения на лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста: его наличие, особенности, роль в усвоении морфологии. Анализируются речь двух девочек, у которых отмечалось наличие лексического взрыва, способствовавшего усвоению морфологии.

Ключевые слова: освоение языка, пассивный и активный лексикон, лексический взрыв, морфологический взрыв.

Вещь для ребенка есть нечто, имеющее название, которое по своему характеру относится к ее сущности.

К. Коффка

Этот поворот обнаруживается двумя симптомами: внезапно пробуждающимся стремлением ребенка спрашивать имена вещей и... увеличением запаса слов, особенно существительных.

... Около 2,0 слова начинают оживляться, гнуться и изменяться...

В. Штерн.

Говоря о первых словах ребенка, исследователи обычно упоминают набор либо из первых 50, либо из первых 100 слов. Так, под первыми словами детей М.Д. Воейкова понимает вслед

² Работа поддержана Российским научным фондом, грант 14-18-03668, «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

за Е. Ливен набор из ста слов в том порядке, в котором они впервые были отмечены в речевой продукции [Войкова 2011: 106, Lieven, Pine, Dressner-Barnes 1992: 288], которые можно зафиксировать в порядке появления. После возникновения лексического взрыва, по мнению исследователя, такая фиксация становится невозможной. Мне представляется, что количество слов – не вполне надежный критерий определения этого этапа, поэтому я даю определение, исходя из качественно важного явления в развитии начального лексикона: начальный детский лексикон — собрание лексических единиц в тот период, когда существует значительный разрыв между пассивным и активным лексиконом (ПЛ и АЛ) ребенка [Елисеева 2008, 2014]. У разных детей этот разрыв ликвидируется в разном возрасте, однако при этом заметный рост лексикона (как будет показано в дальнейшем) возникает (если вообще возникает) только после достижения ребенком уровня 100 слов.

Причиной возникновения лексического взрыва в работах исследователей XIX – начала XX вв. принято было считать «открытие, что... комплексы звуков обладают обозначающей (символической) ценностью... что каждому предмету принадлежит такой знак, служащий для называния и сообщения: что каждая вещь имеет название» [Штерн 1915: 92]. Вслед за В. Штерном об этом же писал Р. Гаупп, связывая возникновение у ребенка понимания того, «что каждая вещь имеет свое имя (и притом одно и то же) с переходом от «пожелательных слов» к предметным [Гаупп 1926: 83]. Ссылаясь на К. Бюлера, К. Коффка писал, что «слово включается в структуру вещи так же, как палка в ситуацию «стремления получить плод» [Коффка 1934: 207]. В. Штерн называл этот период «второй эпохой развития речи» (приблизительно от 1,6 до 2,0), когда «пробуждается сознание значения речи и воля завоевать его» [Штерн 1915: 101]. Р. Гаупп указывает, что «в возрасте 18–24 мес. ребенок вступает в период вопросов по поводу видимых им лиц и вещей (чему соответствует вопросительная интонация его слов-предложений). Запас слов у ребенка в это время значительно увеличивается и его психическое развитие идет более быстрыми темпами» [Гаупп 1926: 85]. Н. А. Рыбников отмечал, что большинство детей дают

заметное увеличение в конце второго года [Рыбников 1926: 28].

С 70-х гг. XX века об этом явлении, называя его *the vocabulary spurt*, *the vocabulary burst*, *the naming explosion*, стали писать многие западные исследователи (L. Bloom, Dromi, McCarthy, Nelson, Dore, Franklin, Miller, & Ramer; Gillis & DeSchutter; Reznick & Goldfield и многие другие, см. обзор, например, в: Ganger Brent 2004: 632). Достижение ребенком этого рубежа указывало на начало периода значительного развития и в других языковых областях. Например, E. Bates пишет о том, что первые комбинации слов появляются после возникновения лексического взрыва (1988). Тогда же ребенок начинает употреблять слова, относящиеся к отсутствующим предметам (J. Sachs).

Однако во многих работах отмечено, что лексический взрыв не обязательно присутствует в речи детей. Так, в книге E. Кларк [Clark 1993] описано развитие двух детей, в речи одного из которых был лексический взрыв, а в речи другого - нет.

Проанализировав результаты заполненных родительских опросников 1142 детей в возрасте от 16 до 30 месяцев, исследователи пришли к выводу, что графики не показывают лексический взрыв, о котором часто пишут в работах, основанных на *case study* (исследованиях индивидуальных случаев): лексический взрыв имеет почти легендарный статус в исследованиях детской речи, но в действительности не является универсальным феноменом. «Поздноговорящие» дети склонны к монотонному увеличению словаря; другие дети показывают серии маленьких взрывов [Fenson @ al. 1994: 43].

В. А. Goldfield и J. S. Reznick (1990) обнаружили, что в речи 13 из 18 обследованных детей был период до трех месяцев, во время которого скорость усвоения увеличивалась. Почти три четверти слов, усвоенных в это время, были существительные. Пятеро детей усваивали сбалансированное количество существительных и других слов – и рост их словаря был более постепенный. Эти результаты, по мнению авторов, подтверждают то, что термин «лексический взрыв» лучше описывает развитие тех детей, которые склонны усваивать именно существительные. Продолжая эту мысль, можно сделать вывод о том, что это явление характеризует речь референциальных детей, но не экс-

прессивных [о двух речевых стратегиях см.: Доброва 2009]. Это представляется тем более правдоподобным еще по двум причинам: 1) референциальные дети – большие «любители» существительных, в отличие от экспрессивных, 2) референциальные дети – обычно «раноговорящие», экспрессивные – «поздноговорящие», с более длительно сохраняющимся разрывом между пассивным и активным лексиконом.

С. В. Mervis, J. Bertrand [1995] пишут, что у троих детей был отмечен лексический взрыв, и к его началу в продуктивном словаре было 112 слов (этот факт представляется мне знаменательным, см. об этом ниже). В это же время дети продемонстрировали способность сортировать предметы. Из 38 детей в исследовании J. Ganger, M.R. Brent [2004: 631] лишь 13% (возможно, 18%) обнаружили лексический взрыв. F. Dandurand, T. R. Shultz [2010] указывают, что существует по крайней мере 8 различных объяснений понятия «лексический взрыв», причем несогласия касаются даже самого факта, есть ли он в речи большинства детей. Однако авторы применили новую статистическую методологию измерения этого явления у 20 детей и обнаружили, что лексический взрыв свойствен большинству детей.

Таким образом, мы видим, что единства мнений относительно этого феномена нет и по сей день.

Тем не менее значимость лексического взрыва для тех детей, у которых таковой есть, очевидна. Для этих детей он «совпадает с главным когнитивным изменением – «инсайтом наименования». Именно когда дети приходят к этому внезапному открытию, скорость усвоения слов увеличивается [Ganger, Brent 2004: 621]. Причины возникновения лексического взрыва разные исследователи видят и в других особенностях развития ребенка. Так, К. Plunkett [1993] утверждает, что лексический взрыв возникает, когда решена проблема сегментации: способность выделить слово из речи открывает шлюзы для произнесения новых слов. А.Д. Кошелев указывает, что лексический взрыв и появление падежных форм совпадают с тем периодом в жизни ребенка, когда он начинает «различать в объекте функционально значимые части» [Кошелев 2009: 58-60].

А. Ninio [1995] показывает, что развитие прагматики способ-

ствуется развитию словаря. М. Dapretto, E. Bjork [2000] описывают эксперимент, подтверждающий, что рост продуктивного словаря связан с развитием способности ребенка найти спрятанный предмет.

Ниже анализируются лонгитюдные данные речи двух детей – Лизы Е. 1996 года рождения и Тани Е. 1999 года рождения. Записи речи Лизы Е. производились автором настоящей работы, речь Тани Е. записывалась ее матерью Ю.А. Еремеевой [Еремеева 2002]. В речи Лизы и Тани ясно выделяется не только лексический взрыв, но и предшествующий ему лексический скачок.

Первые признаки понимания речи у Лизы возникли в 8 мес., а в 9 мес., когда появляются первые 2 слова в АЛ, ПЛ насчитывает 10 слов. Затем до 0,11,15 АЛ не пополняется, а к году ребенок произносит 4 слова, при этом понимая уже 60 (соотношение АЛ и ПЛ 1: 15) . Рост АЛ в течение первых 8,5 месяцев очень медленный (в среднем по 5,8 слов в месяц). 50-словный уровень в продуцировании был достигнут в 1,5,16, когда уровень ПЛ достиг 358 слов (соотношение ПЛ и АЛ – 1:7). За день до этого (после 43-го слова, в 1,5,15) возник лексический скачок: в один день было усвоено 5 новых слов, а на следующий день – 6. В течение двух недель до конца месяца ребенок усвоил 26 слов (13 слов в неделю). Затем скорость усвоения слов в активе несколько снижается (примерно 5 слов в неделю). В 1,6 в АЛ Лизы появилось протослово **ая**, которым ребенок обозначал все неизвестное (обычно изображения на картинка: *мясорубка, улитка, утюг*) или то, что знал, но не умел называть (*крокодил, формочка*). К 1,8 АЛ и ПЛ находятся в соотношении 1:4 (113 слов³ АЛ и 479 ПЛ). В 1,8 возникает лексический взрыв: в течение месяца было усвоено 188 слов (6 слов в день); общее количество слов в активе достигло 293, поскольку 8 слов из прежнего лексикона перестало употребляться. В 1,8–1,9 слово **ая** очень часто используется так: ребенок называет таким образом (иногда много-

³ Ср. эти данные с данными С. В. Mervis and J. Bertrand [1995], см. об этом ранее.

кратно, если взрослые игнорировали его) незнакомые предметы, желая услышать их название. После 1,10 это слово иногда употребляется в форме винительного падежа; после 1,11 исчезает, вытесняясь словом *итя* (это) — употребляемым без вопросительной интонации, но в функции вопроса. Лакуна между АЛ и ПЛ почти стирается: в ПЛ и АЛ новые слова попадают одновременно. На усвоение слов в этот период влияют фонетическое удобство, новизна и «перцептивная выпуклость» предмета, обозначаемого словом. В следующем месяце скорость усвоения слов еще возросла: было усвоено 356 слов (11,5 слов в день). После 1,10 скорость снижается, но незначительно: в течение двух последующих месяцев в АЛ было усвоено 507 новых слов.

Первые слова в пассивном лексиконе Тани отмечены с 0,8,9. Первые 5 слов активного лексикона появились за очень короткий срок - в течение двух недель от 0,10,11 до 0,10,25 (в пассиве было 45 слов). Соотношение актива и пассива к 1 году – 1:10. Затем в течение двух месяцев АЛ ребенка вообще не увеличивается; только в 1,1,2 появляется следующее слово. Рост АЛ Тани, очень медленный первые 7 месяцев (в среднем по 2 слова в месяц), несколько ускоряется после 1,5 (15 слов в месяц) и продолжается почти теми же темпами следующие 5 месяцев (до 1,10). Следовательно, почти в течение целого года развитие словаря было чрезвычайно медленным. В 1,10 происходит лексический скачок: в течение месяца от 1,10 до 1,11 ребенок усваивает 49 слов, т.е. более 12 слов в неделю.

Соотношение актива и пассива до возникновения лексического скачка – 1:4. В 1,10 (АЛ – 101 слово, ПЛ – 446) происходит лексический скачок: в течение месяца от 1,10 до 1,11 ребенок усваивает 49 слов, т.е. более 12 слов в неделю; в дальнейшем рост словаря плавно увеличивается. В 1,10 у Тани появилось протослово *км* (аналог Лизиного «ая»), означавшее все неизвестное, – эквивалент вопроса «Что это?». Спустя два месяца после начала лексического скачка, в 2 года, происходит лексический взрыв: каждый день ребенок усваивает до 15 слов. Пассив и актив сблизилась, хотя и не совпали.

Мама Тани пишет в дневнике: «До 1 года 11 месяцев Тая употребляет слово только лишь в той форме, которую слышит

от взрослых». В 2 года Таня начала употреблять существительные в форме винительного падежа и глаголы в настоящем и прошедшем времени, то есть так же, как и у Лизы, лексический взрыв способствует развитию морфологии, хотя и не столь стремительному. К 2,3 зафиксированы все падежные формы имен существительных, а также появились первые формообразовательные инновации.

Таким образом, мы видим, что развитие лексикона стимулировало усвоение морфологии в речи обеих девочек (освоение синтаксиса же было относительно автономно, при этом у Тани оно шло классическим путем - фиксировался период «телеграфного стиля», а у Лизы синтаксическое развитие было более необычно, см. [Елисеева 2014]).

Период лексического взрыва характеризуется рядом важных особенностей:

1. АЛ начинает пополняться быстрее, чем ПЛ: наступает «стадия аннулирования сенсорного словаря ребенка и превращения его в сенсорную сторону словаря сенсорно-моторного» [Водейко 1968: 10].

2. Слова языка нянь вытесняются нормативными синонимами: то, что прежде обозначалось словами языка нянь, теперь называется различными словами, иногда относящимися к разным частям речи. (Об этом же см. [Dapretto, Bjork 2000: 635].

3. Артикуляционная сложность слов перестает быть тормозящим фактором лексического развития – вследствие этого не только быстро пополняется АЛ, но и исчезают лексико-семантические сверхгенерализации, главной причиной которых была ограниченность АЛ, вызванная трудностями артикуляции.

4. В АЛ появляются диминутивы существительных, звучание которых в речи ребенка нередко резко отличается от производящих слов (симплексов), что имеет особое значение для развития грамматики [Воейкова 2011: 122, 125].

5. В АЛ появляются слова, называющие детенышей животных, слова с суффиксом единичности и с суффиксом *-их*.

6. Возникают первые словообразовательные инновации.

7. Бурное развитие лексикона способствует развитию морфологии – происходит морфологический взрыв.

Р.И. Водейко писал о нескольких скачках в развитии сенсорно-моторного словаря ребенка и установил, что «существует определенная связь между количественным развитием детского словаря и грамматизацией речи ребенка. Скачки в росте сенсорно-моторного словаря ребенка создают необходимые условия для начала усвоения ребенком грамматических форм» [Водейко 1968: 23].

С.Н. Цейтлин пишет: «Особенно важным при исследовании речевого онтогенеза является изучение характера взаимодействия лексического и морфологического компонентов индивидуальной языковой системы [...] которое можно в весьма условном смысле назвать грамматикализацией лексикона и лексикализацией грамматики. Под грамматикализацией в данном случае понимаем приобретение каждой из единиц формирующегося лексикона ребенка определенных грамматических характеристик, а под лексикализацией грамматики – уточнение сферы распространения действия грамматических правил на определенные группы лексических единиц, выделяемые на основании семантической, фонологической или какой-то иной общности» [Цейтлин 2013: 106].

Грамматикализация лексикона Лизы начала происходить за месяц до лексического взрыва: почти все слова, появившиеся в этот период, уже не ономаптоеи или протослова – по соотносительности со словом-источником из инпута это либо существительные (*нога, шапка, палка, цветы*), либо глаголы (*сядь, иди*), либо прилагательные (*опаси – опасен (опасно), маи – маленький*).

От 1,8,12 до 1,9 АЛ пополнился 150 словами, из них – 116 существительных: налицо naming insight. В 1;8,29 впервые употреблено существительное в косвенном падеже; в 1;9,7 зафиксирована первая формообразовательная инновация (глагольная). Именно этот момент можно условно рассматривать как начало морфологического взрыва в речи ребенка, к моменту возникновения которого лексикон ребенка состоял в основном из существительных, но было уже 33 глагола, а также начали появляться и другие части речи.

Интересно, что до этого периода частеречное разнообразие не было характерно не только для АЛ, но и для ПЛ: почти все

части речи одновременно появляются и в АЛ, и в ПЛ. От 1,9,1 до 1,10 (всего 351 слово) резко увеличивается количество глаголов (хотя их тем не менее в два с половиной раза меньше, чем существительных), при этом увеличение количества слов других частей речи относительно равномерно: 211 существительных, 89 глаголов (из них – три кратких страдательных причастия прошедшего времени), 22 прилагательных (притяжательных и качественных), 15 наречий, 5 местоимений (личных пока что нет), 5 междометий, 2 числительных и 2 частицы.

От 1,9,4 до 1,9,18 появились все падежные формы существительных; некоторые существительные встречаются в формах ед. и множ. числа; глаголы стали употребляться не только в форме инфинитива, но и в формах настоящего и прошедшего времени; стали изменяться и отдельные прилагательные.

Итак, понимание речи возникает несколько раньше, чем продуцирование, или одновременно с ним (8-9 месяцев). Развитие восприятия речи происходит плавно и значительно быстрее, чем развитие продуцирования. Развитие продуцирования речи у многих детей происходит скачкообразно. Сначала ребенок усваивает 1-5 слов в месяц (это длится от 8 мес. до года; затем возникает лексический скачок (ребенок усваивает 8-12 слов в неделю), а спустя еще 2-3 месяца – лексический взрыв (усваивается 15 и более слов в день). До достижения ребенком 50-словного уровня в продуцировании соотношение пассива и актива в среднем 1: 10. Затем оно начинает быстро изменяться, и к началу лексического взрыва актив и пассив находятся в соотношении 1:4. Возникновение лексического скачка и лексического взрыва в продуцировании связано с явлением «инсайта наименования» – с открытием ребенка, что все вещи имеют имена, а также сопровождается и другими важными изменениями в когнитивном развитии ребенка.

После этого рост актива столь стремителен, что в течение месяца лагуна между ним и пассивным словарем резко уменьшается. При наличии в речи ребенка лексического взрыва «при освоении языков с богатой и сложной морфологией (к их разряду принадлежит и русский) вслед за лексическим взрывом обычно следует и так называемый морфологический взрыв»

[Цейтлин 2013: 106].

Стремительное развитие продуктивного словаря свойственно далеко не всем детям – по всей видимости, оно характерно для детей референциального речевого стиля. Хотя наличие лексического взрыва в речи детей чрезвычайно выразительно, это, однако, не только не обязательный путь овладения словарем, но, возможно, и не самый частый. Вместо одного драматического когнитивного изменения может быть множество мелких, несинхронизированных изменений, которые приводят к постепенному росту способности усвоения слов.

ЛИТЕРАТУРА

Водейко Р.И. Ранние этапы онтогенеза речи: Автореф. ... канд. пед. наук (по психологии). – Минск, 1968.

Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. – М., 2011.

Гаупт Р. Психология ребенка. – Л., 1926.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – СПб., 2007.

Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 53 – 70.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. – СПб., 2008.

Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. Монография. – М.: Языки славянских культур, 2014.

Еремеева Ю. Особенности начального лексикона ребенка. ВКР. РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2002.

Коффка К. Основы психического развития. – М.; Л., 1934.

Кошелев А.Д. О когнитивных факторах развития детской речи // Проблемы онтолингвистики 2009: Мат-лы междунар. конф. 17–19 июня 2009 г. – СПб., 2009.

Рыбников Н.А. Язык ребенка. – М.; Л., 1926.

Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. – СПб., 2013.

Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. – СПб., 1915.

Bates, E., Bretherton, I., & Snyder, L. (1988). From first words to grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Clark E. V. The lexicon in acquisition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Dandurand, F., & Shultz, T. R. (2010). Automatic detection and quantification of growth spurts. *Behavior Research Methods*, 42 (3), 809-823

Dandurand F., Shultz T.R. A Fresh Look at Vocabulary Spurts <http://csjarchive.cogsci.rpi.edu/proceedings/2011/papers/0268/paper0268.pdf>

Dapretto, M., & Bjork, E. (2000). The development of word retrievalabilities in the second year and its relation to early vocabulary growth. *Child Development*, 71, 635–648 http://bjorklab.psych.ucla.edu/pubs/Dapretto_EBjork_2000.pdf

Fenson L., Dale P., Reznick S., Bates E., Thal D., Pethick S. Variability in Early Communicative Development. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 1994, 59 (5, Serial No. 242).

Ganger J., Brent M. R. Reexamining the vocabulary spurt// *Developmental Psychology*. 2004, Vol. 40, No. 4, 621–632 <http://www.pitt.edu/~jganger/GangerBrent2004.pdf>

Goldfield B., Reznick J.S. Early lexical acquisition: rate, content, and the vocabulary spurt // *Journal of child language*. 1990. V. 17.

Lieven E.V.M., Pine J.M. & Dresner Barnes H. Individual differences in early vocabulary development: redefining the referential-expressive distinction // *Journal of Child Language*. 1992. V.19. №2.

Ninio, A. (1995). Expression of communicative intents in the single-word period and the vocabulary spurt. In K. E. Nelson & Z. Reger (Eds.), *Children's language* (Vol. 8, pp. 103–124). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Plunkett, K. (1993). Lexical segmentation and vocabulary growth in early language acquisition. *Journal of Child Language*, 20, 43–60.

Beverly A. Goldfield and J. Steven Reznick (1990). Early lexical acquisition: rate, content, and the vocabulary spurt. *Journal of Child Language*, 17, pp. 171-183.

C. B. Mervis and J. Bertrand (1995). Early lexical acquisition and the vocabulary spurt: a response to Goldfield & Reznick. *Journal of Child Language*, 22, pp. 461-468.

©Елисеєва М.Б., 2015